выступал на поприще трагического поэта, но несмотря на это, упорно добивался поэтической славы. Об этой его слабости обстоятельно рассказывает Монтень в «Опытах» в главе «О самомнении», впрочем, вообще широко используя в своей моралистической аргументации примеры из колоритной биографии Дионисия. Здесь излагаются свидетельства об осмеянии поэм Дионисия в Олимпии, хотя их декламировали лучшие актеры, и о «триумфе» тирана после представления в Афинах его трагедии, когда он одержал победу «несправедливо и при помощи подкуна над более одаренными, нежели он, трагическими поэтами... Тотчас после этой победы он умер, и это произошло отчасти от охватившей его безмерной радости». Указывает Монтень и на свойственную Дионисию литературную зависть: «...не будучи в состоянии сравняться в искусстве поэзии с Филоксеном и в красноречии с Платоном, одного приговорил к работам в каменоломнях, а другого велел продать в рабство на остров Эгину». 65

Сходную характеристику Дионисия-писателя дает и Ш. Роллен в «Древней истории», которая в переводе В. К. Тредиаковского долго служила для русского общества своего рода энциклопедией античности: «Что в Дионисии достойно смеха, то сие есть, что он мнил себя в том (поэзии. — B. C.) превосходным, и выше всех других. Он не мог терпеть ни в чем ни вышшаго, ни равного... Словом, он был тиран во всем. Сей дух господствования и повеления, кои он имел по своей отменной власти, был одною из причин пребезмерного любления, какое в нем

было к собственному своему достоинству».66

Слепое предубеждение Горчакова, что комедия Фонвизина явление недолговечное, скоропреходящее, нельзя объяснить однозначно. Оно сложилось под влиянием нескольких причин. С одной стороны, начинающий поэт многое видел глазами старшего товарища и поэтического наставника Николева, который был оскорблен отзывом Фонвизина о «Пальмире». Но самым главным обстоятельством, вызывавшим несогласие с Фонвизиным, были расхождения эстетические. И Горчаков и другие участники николевского кружка оставались в рамках классических представлений о «высоком» предмете литературы и о «прекрасной», преобразованной искусством природе. Сатира и юмор Фонвизина казались Горчакову не соответствующими высокому учительному назначению литературы и оскорбительными для общества. Реальная комедия Фонвизина с почти натуралистическими сценами не укладывалась в эти представления. Отсюда у Горчакова, как и в случае с «Недорослем», появляется и осуждение комической оперы Аблесимова «Мельник-колдун»: нападки на просторечную

⁶⁵ Монтень М. Опыты. 2-е изд. М., 1979, т. І, с. 69, 565; т. ІІ, с. 130—131. Возможно, в кругу этих ассоциаций следует рассматривать известную реплику Г. А. Потемкина по поводу «Недоросля»: «Умри, Денис, или больше пичего уже не пиши». (Вяземский П. А. Фонвизин, с. 141). Ср. также басню Хемницера «Дионисий и министр его».